

Поклонский Д.Р. Стародубская старина. Кн. 1. 1998.
Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т.VII. М. 2001.
Радзивилловские Акты. Т.VI. Сост. М.М.Кром. Москва-Варшава. 2002.
Перекрестов Р.И. Клинецовский летописец. Кн.1. Клинцы. 2004.

В.В.Крашенинников (Брянск)

«Для славы и пользы Российской империи...» (из истории производства красок в Севске).

Заметным событием хозяйственной жизни не только местного значения стало появление в старинном городе Севске одной из первых в России красильных фабрик. В июле 1749 г. в Мануфактур-коллегию была подана челобитная от севского купца Лукьяна Никифорова сына Зайцева, в которой он писал, что «для славы и пользы Российской империи через свою практику сыскал краску ярь венецкую, которой прежде в России никогда не дельвалось, а ввозилась она из заморья», что для устройства фабрики готов «собственного своево капиталу употребить тысячу рублёв» и может такой краски «в год сделать до 30 пудов и более». Содержала челобитная и ряд просьб. Во-первых, освободить «от служб городских и постоев» самого заявителя, его отца, братьев Федора и Петра с детьми, а также «прикащика нашего Михайлу Волкова з детми»; кроме того, «от излишних накладов уволить и судом и разправою ведать» всех перечисленных не в Севске, а в Мануфактур-коллегии. Во-вторых, «для лучшего той фабрики размножения с покупкой ко фабрике принадлежащих инструментов и материалов и с продажи зделаной краски уволить от пошлин без таможных записок, дабы прочие в делании показанной краски секрета знать не могли». В-третьих, Л.Зайцев просил вернуть купленную в 1748 г. его отцом у «черкаса» Степана Герасимова мучную мельницу на р.Неруссе у с.Негино Трубчевского уезда, которой «завладели вышеписанного села крестьяне», и позволить «при оной мельнице потребные к той фабрике материалы и специ варить в принадлежащих котлах». Наконец, Л.Зайцев обращался с просьбой разрешить для обеспечения фабрики рабочей силой «на десять лет ... купить людей до пятидесяти дворов».

В тот же день Мануфактур-коллегия, рассмотрев челобитную Л.Зайцева, повелела «по оному челобитью учинить выписку», а предоставленную краску отослать для определения, «в какой она краска доброты явится», работавшему в России французскому живописцу Л.Караваку. Уже 11 августа в Мануфактур-коллегии было получено сообщение последнего, что «ярь венецкая, ... сделанная севским купцом Лукьяном Зайцевым ... явилась против заморской вообще сходна». Тогда же Л.Зайцев объявил, что он сыскал «через практику

ещё вновь краску ярь медянку» (ярь веницейская и ярь медянка – две разновидности краски зелёного цвета).

В августе 1749 г. из Севска было получено и свидетельство, что «на купце Лукьяне Зайцеве казённых доимок и партикулярных долгов не имеетца и в подозрениях никаких он не бывал, а торги имеет в городе Севске, а капиталу состоит до пяти тысяч рублёв» (столь значительная для того времени сумма капиталов объяснялась тем, что Лукьян Зайцев вел дело нераздельно от отца и двух старших братьев, Федора и Петра, – то есть это была общая сумма их капиталов). От имени севского купечества свидетельство подписали Михаил Ильин сын Мукосеев и Иван Григорьев сын Щербинин.

Однако неожиданно возникло осложнение. В октябре 1746 года «московские Кадашевской слободы купцы» Петр Сухарев и Иван Беляев обратились с просьбой об открытии «красочной фабрики» для производства «кармину, бакану и лазури берлинской» и «чтоб окромя их впредь в произведении таковой фабрики позволения никому не давать». В июне 1747 г. тот же Сухарев объявил, что «сыскана им вновь краска ярь веницейская» и что по освидетельствованию уже упоминавшегося Л.Каравака «явилась точнёхонько как заморская».

Узнав о челобитной Л.Зайцева, П.Сухарев, успевший открыть свою красильную фабрику, попытался обезопасить себя от возможного конкурента. Вызванному 15 сентября 1749 г. в Мануфактур-коллегию Л.Зайцеву «объявлено было, дабы он в силу ... показанного на него от красочного фабриканта Петра Сухарева подозрения оныя краски сделал при присутствии». Зайцев, хотя и заявил, «что он к сочинению тех красок надлежащих инструментов и материалов с собою здесь не имеет», согласился «для свидетельствования, что он умеет оные делать», изготовить «ярь медянку да вновь ещё бакан веницейский (краску багряного цвета – В.К.), только оные в доброте от скорого делания и от ненадлежащих инструментов не так, как на фабрике, против заморских не придут». Приглашенный 20 сентября «живописный мастер Сергей Осипов при присутствии зделанные во оной коллегии севским купцом Лукьяном Зайцевым ярь медянку и бакан веницейский свидетельствовал и сказал: бакан добрый и немецкого не хуже, только светловат, а надлежало быть потемнее, ярь медянка против немецкой добротою не придёт, однако в работу живописному делу годитца». Как видим, устроенный Л.Зайцеву своеобразный экзамен он выдержал успешно.

Через 5 дней Мануфактур-коллегия подготовила указ, согласно которому «города Севска купец Лукьян Никифоров сын Зайцев ... обязан ... в городе Севске завести фабрику и на оной делать ярь веницейскую и ярь медянку самым добрым мастерством против иностранных ..., бакану веницейского ... на той фабрике ... до указа не

делать» (возможно, потому, что эту краску производили на фабрике П.Сухарева). «Для лучшего той фабрики распространения ему, Зайцеву» было разрешено купить «деревню до тридцати дворов или сто двадцать душ». Кроме того, Л.Зайцев на шесть лет был освобожден от платежа пошлин, «кроме положенных по тарифу».

Через год, в сентябре 1750 года, посланные из Мануфактур-коллегии лица проверили, как исполняется это решение. Проверяющие обнаружили, что «на ... новозаведенной фабрике имеется деревянного строения две светлицы, одна с комнатою, в тех светлицах четыре печи рабочих, против тех светлиц сени, на дворе погреб рубленый брусяной, да к произведению делания ... яри веницейской и медянки имеется в приуготовлении ... разных материалов и инструментов на шесть сот рублей, специй тритцать бочек. При той фабрике наёмных работных людей пятнадцать человек», которые с 1 сентября заняты «деланием той яри веницейской и медянки». В октябре отчёт был заслушан и принят к сведению в Мануфактур-коллегии.

Судя по тому, что на фабрике Зайцева работали вольнонаемные люди, он не воспользовался правом купить крестьян. Возможно, владелец фабрики не надеялся на добросовестный и качественный труд подневольных работников, а ухудшение качества производимых красок могло вызвать санкции со стороны Мануфактур-коллегии, вплоть до угрозы отобрать фабрику вместе с приписанными к ней крестьянами. Но не исключено, что у Л.Зайцева просто не было достаточных свободных средств для такой операции. Косвенно об этом свидетельствует факт обращения в Мануфактур-коллегию в 1751 г. президента Севского провинциального магистрата Михаила Шереметцева с просьбой утвердить в качестве компаньонов к Л.Зайцеву его брата Петра Зайцева, а также севского купца Ивана Ильина сына Зайцева с детьми, его племянника Матвея Васильева сына и братьев последнего – Михайлы Большого и Михайлы Меньшого Зайцевых. Все они, как указывалось в письме, «в товариществе с фабрикантом Лукьяном Зайцевым ... быть желают и во оную фабрику собственного своего капиталу употребят на первый случай до 5000 рублей и больше». Появление нескольких владельцев привело к разделу фабрики: в 1761 г. «та фабрика между ими разделена».

К сожалению, выявленные документы не позволяют установить многие подробности развития производства красок в Севске и судьбы талантливого самоучки-практика Лукьяна Никифоровича Зайцева, основавшего здесь первую красочную фабрику. Материалы третьей ревизии 1763-1764 гг. по купечеству и мещанству г.Севска позволяют кое-что узнать о Л.Зайцеве и соучастниках его предпринимательской деятельности, хотя и здесь не обошлось без трудностей. В ревизской сказке, поданной в феврале 1764 г., а составившейся, скорее всего,

ещё в 1763 г., Лукьяна Никифорова сына Зайцева среди севских купцов не оказалось. В ней названы практически все перечисленные выше севчане, компаньоны Л.Зайцева – Иван Ильин сын Зайцев (умерший в 1754 г.), его племянники Матвей, Михаил Большой и Михаил Меньшой Васильевы сыновья Зайцевы, записавшийся в купечество бывший приказчик Л.Зайцева Михаил Григорьев сын Волков, бывший президент Севского провинциального магистрата купец гостинной сотни Михаил Захарович Шереметцев (умерший в 1755 году), купцы М.Н.Мукосеев и И.Г.Щербинин, – но не находилось отца Л.Зайцева, Никифора, и его сыновей: Петра и Лукьяна.

Лишь повторное рассмотрение ревизской сказки позволило найти ошибку (случай, в подобных документах, довольно редкий): в сказке оказались записанными Лукьян Лукьянов сын Зайцев (80 лет) и его сыновья Пётр (44 года) и Лукьян (38 лет). По-видимому, известность заводчика Лукьяна Зайцева в Севске была настолько значительной, что писец автоматически написал то же имя и его отцу, но в данном случае следует верить не переписчику документа, а самому заводчику, в челобитной назвавшему себя Лукьяном Никифоровым сыном Зайцевым, и процитированному ранее указу Мануфактур-коллегии. Можно с уверенностью утверждать, что свое имя Лукьян – основатель севской красочной фабрики – получил в честь деда, который ещё в 1700 г. был одним из первых выборных севских бургомистров и происходил из купцов московской Кадашевской слободы.

Что ещё можно добавить к изложенному? Наиболее вероятный год рождения Лукьяна Никифоровича – 1725. Следовательно, свое открытие секрета получения красок он сделал совсем молодым – в 24 года. Был он женат (вероятно, дважды), но в первом браке сыновей не имел, что стало, скорее всего, одной из главных причин привлечения к своему делу родственников. К ним можно отнести и бывшего приказчика Михаила Григорьева сына Волкова (в 1763 г. ему исполнился 51 год), жена которого была из фамилии Зайцевых. М.Волков, несомненно, обладал предпринимательской хваткой, умением устроить свои дела, в том числе – семейные (ему удалось, например, женить сына Семена на дочери Федора Шереметцева, представителя самой известной в XVIII в. и богатой севской купеческой фамилии, относившейся к гостинной сотне).

Однако крупных капиталов М.Г.Волков все-таки не нажил, что помешало развитию еще одного начатого им дела. Он, как и его бывший хозяин Л.Н.Зайцев, стал работать над изучением производства фарфора. В России в середине XVIII века это дело только начиналось и было секретным. Первый фарфоровый завод был устроен Ф.Гарднером в 1756 г. в Дмитровском уезде Московской губернии, в 1758 г. в Петербурге открылся Императорский фарфоровый завод.

Доказав, что в производстве фарфора «искусство имеет» и уже заготовил некоторое количество необходимых материалов (а запасы белой глины, нужной для производства фарфора, в окрестностях Севска имелись), в 1760 г. М.Волков получил из Мануфактур-коллегии указ об открытии в Севске фарфоровой фабрики. Однако создать новое предприятие он не смог – «за малым капиталом» (в 1775 г. за ним числился капитал в 2,2 тыс. руб.). Косвенно этот факт признавался в указе Мануфактур-коллегии от 1766 г.: «В России ... разной фарфоровой посуды фабрики не учредилось и ко удовольствию не размножилось, и хотя некоторым людям позволение о том и чинены были, но никто такой фабрики не размножил». Тем не менее, в ряде документов 1760-1770-х годов. М.Г.Волков именовался содержателем не только красочной, но и фарфоровой фабрики, хотя последняя в Севске так и не появилась. Да и капиталы самого предпринимателя заметно сократились – до 600 руб. в 1782 году.

Что касается Л.Н.Зайцева, то он был не столько, выражаясь современным языком, бизнесменом, сколько человеком творческим, ищущим что-то новое. Заинтересовавшись секретами фарфорового производства, он добился успеха и в этом деле. В сентябре 1769 г. «г.Севска купец и красочной фабрики содержатель Лукьян Никифоров сын Зайцев ... явился на фарфоровый Ея императорского величества завод», находившийся в Петербурге, «для опробования его в делании фарфора» и показал себя в этом деле «знающим». Поскольку заводу требовались сведущие в считавшейся секретной технологии производства фарфора специалисты, руководитель завода А.Щепотьев в январе 1770 года направил в Севский провинциальный магистрат письмо, в котором сообщал, что Л.Н.Зайцев «отправлен в г. Севск для забрания материалов и припасов, також и детей своих», и предлагал, по завершении Л.Зайцевым своих дел, «немедленно отправить в Санкт-Петербург на фарфоровый завод».

Однако «немедленно» сделать этого не удалось. Есть две разных версии, объясняющих причины задержки. Сам Л.Н.Зайцев в челобитной, поданной белгородскому губернатору тайному советнику А.М.Фливерку, сообщал, что, уезжая в Петербург, оставил своих малолетних детей (сыновей Никифора, Егора и дочь Авдотью) на попечении родного племянника, Федора Петрова сына Зайцева, но тот «маленьких детей его ... ис того ево дому нагло выгнал вон» и они «жительство имели ... в доме дьячка Никифора», сына священника Михаила, бывшего духовным отцом Л.Н.Зайцева. Кроме того, по словам заявителя, он «до прибытия своего оставил ... в делании фарфора секретные материалы и припасы» на сумму более 1700 рублей, а также специальную «для делания образцов фарфоровой посуды печь» стоимостью в 300 руб., но, вернувшись в Севск, обнаружил, что «ма-

териалы и припасы, которые столь нужны и уже требуются, ... вовсе истреблены, да и печь забита ... по умышлению» племянника Федора Зайцева, недовольного тем, что ни ему, ни родному брату Лукьяну Петру секреты изготовления фарфора не были открыты (жена Федора Дарья объявила о припасах, что «якобы высыпала их на двор, где будто и раскрали»).

Белгородский губернатор приказал только что назначенному новому воеводе Севской провинции коллежскому советнику И.А.Пуштошкину и Севскому провинциальному магистрату рассмотреть челобитную и дать Лукьяну Зайцеву соответствующее «удовлетворение». Но, когда 27 марта 1770 г. собравшиеся в Севском провинциальном магистрате президент Иван Шереметцев, бургомистр Герасим Дубровский, ратманы Трофим Перевошников и Иван Шереметцев, а также служивший в Севской провинциальной канцелярии подпоручик Василий Головин пригласили для рассмотрения дела «севского купца и красочной фабрики содержателя Петра Никифорова сына Зайцева», тот заявил, что он и его дети, как фабриканты, согласно указам Сената и Мануфактур-коллегии, «в Севском провинциальном магистрате ... не подсудны», а их дело может рассматриваться только в Мануфактур-коллегии. Поэтому Севский провинциальный магистрат был вынужден заявить Л.Н.Зайцеву, что «удовлетворения и окончательного решения учинить не может».

Письменные разъяснения, поданные П.Н.Зайцевым и его сыном Ф.П.Зайцевым, помимо непризнания перечисленных в челобитной Л.Н.Зайцева обвинений, содержат некоторые дополнительные данные. В частности, по словам Ф.Зайцева, «собственного у него, Лукьяна, дому никогда не бывало, а жил он ... во всю свою жизнь» в доме своего отца, «Никифора Лукьянова сына Зайцева, в котором и производство красочной его фабрики и производилось». Дом этот «поныне ... состоит не в разделе» между братьями Петром и Лукьяном. П.Н.Зайцев, отрицая обвинения, содержащиеся в «затейном братом моим челобитьи», заявил, что задержка с отъездом Л.Н.Зайцева в Петербург связана не с его личными и хозяйственными делами – «тому промедлению никто причиною, кроме естественной его страсти к излишнему употреблению горячих напитков, не состоит, разве его единомышленники, кои с ним чрез целые ночи упражнялись». Вероятно, какая-то доля правды была и в челобитьи Л.Н.Зайцева, и в заявлении его брата Петра, но судить об этом можно лишь на основании некоторых косвенных данных.

В апреле 1770 г. «по указу Ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, от Севска до Санкт-Петербурга через Москву, отправленному из Севской провинции ... на фарфоровые заводы для нужной ... работы севскому купцу Лукьяну Зайцеву с бу-

дучими при нем» предписывалось «давать почтовых по 4 подводы без задержки». Так весной 1770 г. Лукьян Никифорович вместе со своими детьми покинул Севск. Обнаруженные документы не содержат сведений о матери его детей – скорее всего, она умерла еще до 1769 года.

Неизвестно, как складывались жизнь и работа Л.Н.Зайцева в Петербурге, но пагубная тяга «к горячительному», вероятно, проявлялась и здесь. 27 января 1774 г. в Севский провинциальный магистрат прибыло сообщение от управляющего императорскими фарфоровыми заводами, что «находившийся на оных заводах севский купец Лукьян Зайцев, до которого ныне при означенных заводах никакой потребности не имеется, отпущен ... с пашпортом обратно». Однако в Севск Л.Зайцев не прибыл, и в марте 1775 г. в Московскую полицмейстерскую контору был направлен запрос о том, что «онный Зайцев поныне в Севск не явился, а неизвестно, что он ... проживал в Москве». В июне того же года оттуда ответили, что в Москве севско-го купца Лукьяна Зайцева «в сыску не оказалось».

Скорее всего, уезжая из Севска в 1770 г., Лукьян Зайцев передал свои права на красочную фабрику не брату Петру, с которым успел поссориться, а другому бывшему компаньону – Матвею Васильевичу Зайцеву, который ранее – как купец и заводчик – был избран от горожан Севска в собранную в 1767 г. Екатериной II Комиссию по составлению нового Уложения. В ревизских сказках 1782 г. Лукьян Никифоров сын Зайцев вновь показан в Севске, но уже не среди купцов, а среди мещан.

Как и когда закончилась жизнь Лукьяна Никифоровича Зайцева, к сожалению, пока установить не удалось. А вот основанное им в Севске производство красок продолжалось. По составленной в 1775 г. в Мануфактур-коллегии ведомости, здесь работало 3 фабрики. Владельцем меньшей из них был Петр Зайцев. Его капитал в это время составлял 1 тыс. руб., а работа на фабрике производилась вольнонаемными людьми.

Второй фабрикой владели Матвей Васильевич Зайцев и его двоюродный брат Ульян Иванов сын Зайцев (их общий капитал составлял 4 тыс. руб.). Трудились здесь 5 «покупных работников» – все мужчины. Владельцем третьей фабрики был Михаил Волков, а работали на ней 2 «покупных работника». Впрочем, составители ведомости 1785 г. (или публикаторы этой ведомости) допустили одну существенную неточность, сообщив, что первая красочная фабрика в Севске «заведена с 749 году по указу Мануфактур-коллегии Ульяном Зайцевым», то есть перепутав имена Лукьян и Ульян.

Любопытно, что в отличие от Л.Н.Зайцева, который не воспользовался правом купить приписных крестьян к своей фабрике, другие

владельцы сделали это. Даже за его братом Петром, не располагавшим большим капиталом и нанимавшим на свою красочную фабрику вольных работников, по ревизии 1782 г. числилось семь дворовых людей; за Матвеем Васильевичем, его братом Михаилом Васильевичем и их двоюродными братьями Ульяном, Иваном, Семеном Ивановичами Зайцевыми – 46 дворовых, за Михаилом Григорьевичем Волковым – 12 дворовых. Таким образом, все эти предприниматели приобрели приписных крестьян не столько для работы на своих фабриках, сколько для обслуживания собственных домашних нужд. Сверх приписных они постарались закабалить и так называемых «инородцев»: за «купцом и красочной фабрики содержателем» Матвеем Зайцевым по «реестру» 1784 г. числилось 5 калмыков, а за «фабрикантом» Петром Зайцевым – 2 «башкирца».

О трех красочных фабриках, где по-прежнему изготавливали «ярь венецейскую и медянку», сообщали в своих «Путешественных записках», относящихся к 1781-1782 гг., академик В.Ф.Зуев и авторы изданного в Москве в 1789 г. пятого тома «Нового и полного географического словаря Российской империи, или Лексикона». А вот в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» по Севску и Севскому уезду, составленных в конце XVIII в., три красочные фабрики названы тоже, но не в Севске, а на территории Севского уезда. По крайней мере, одна из них уже не принадлежала прежним владельцам, так как находилась в с.Радогощь – центре имения князей Голицыных.

В выявленных документах не удалось обнаружить точных сведений о времени прекращения красочного производства в Севске, но в относящемся к 1809 г. списке севских предприятий красочных фабрик уже нет. Вероятно, главной причиной их закрытия стала малая доходность предприятий, требовавших к тому же строгого соблюдения технологий производства и специальных знаний.

Косвенно это подтверждает судьба еще одной красочной фабрики, основанной в 1773 г. в Трубчевске и принадлежавшей брянскому купцу Козьме Никулину. В конце 1770-х гг. эта фабрика, где трудились наемные работники, ежегодно выпускала до 15 пудов «яри венецейской» и до 10 пудов «медянки». Но малый капитал владельца (у Никулина в 1775 г. он составлял 500 руб., то есть минимально необходимую сумму для купца третьей гильдии) не позволил ему долго сохранять эту фабрику. Ни в уже упоминавшихся записках В.Ф.Зуева, ни в «Лексиконе» при описании Трубчевска эта фабрика не названа.

Что же касается судьбы купцов и промышленников Зайцевых, которые одними из первых в России начали производить краски, то предпринимательская деятельность принесла им больше убытков, чем доходов. Из числа владельцев самой значительной красильной

фабрики Матвей Васильевич Зайцев и его братья Михаил Большой и Михаил Меньшой умерли (соответственно в 1786, 1783 и 1779 гг.), будучи в купеческом звании, а вот их дети – Михаил Матвеевич, Алексей Михайлович, Федор Михайлович Зайцевы – в документах 1789-1790 гг. уже именуются «гильдейскими мещанами» или просто посадскими людьми, т.е. не располагавшими капиталами для сохранения купеческого звания. Братья Ульян Иванович и Семен Иванович Зайцевы, бывшие вместе с перечисленными покойными купцами совладельцами красочной фабрики, к моменту своей кончины (соответственно в 1790 и 1794 гг.) также уже не были купцами.

Однако, даже утратив купеческое звание, Зайцевы сохранили за собой купленных ранее крестьян в качестве дворовых. Обыденные в российской жизни того времени ситуации, когда дворовые женщины не только выполняли разные домашние работы, но и служили для любовных утех своим хозяевам, наглядно подтверждаются на примере Зайцевых. Только за 10 лет (1782-1791 гг.) в четырех зайцевских домах у дворовых женщин появилось 17 внебрачных детей, в том числе у жившей в доме Матвея Васильевича и Михаила Матвеевича Зайцевых «дворовой бабы» Акилины Никитиной – четверо, у жившей в доме Ульяна Ивановича Зайцева «дворовой девки» Евдокии Ермолаевой – трое. Восприемниками этих младенцев при крещении были, как правило, члены семей хозяев или их родственники. Подобные случаи бывали и в домах других живших в Севске купцов, чиновников и дворян, но там они были менее заметными.

К сожалению, документов конца XVIII в. о судьбах главных севских зачинателей красочного и фарфорового дела, Лукьяна Никифоровича Зайцева и Михаила Григорьевича Волкова, а также их детей, выявить не удалось.

Источники и литература

РГАДА: ф.442, оп.1, д. 388; ф.769, оп.1, д. 186; ф.1355, оп.1, д. 1016; оп.2, д. 415. ГАБО: ф.121, оп.2, д. 2; оп.3, д. 145; ф.249, оп.1, д. 171; ф.325, оп.1, д. 864; оп.2, д. 566; ф.402, оп.1, д. 15; ф.552, оп.1, д. 145; ф.581, оп.1, дд. 2,3.

Зуев В.Ф. Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. Спб. 1787.

Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. Ч. V. М. 1789.

Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М. 1975.

Историко-статистический обзор промышленности России. Т. I. Спб. 1883.

Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Севска и его уезда // Сб. Орловского Церковного Историко-Археологич. общества. Т. II. Орел. 1906.